

ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ В ДОСОВЕТСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Р.А. СИЛАНТЬЕВ

Главным сегментом межрелигиозного диалога в мировом масштабе всегда являлся христианско-мусульманский диалог, начатый еще православными богословами Византийской империи и эмиссарами первых халифов. Их собеседования нередко выражались в резких тонах и не отличались терпимостью к религиозным взглядам друг друга. В то же время ряд православных святых отзывались об исламе вполне благожелательно.

«Из-за того, что образом жизни, нравами и предметом поклонения мы разделены, разумеется, не следует быть расположенными враждебно и лишать себя общения», – писал святой Николай Мистик в своем письме к халифу ал-Муктадиру¹, обозначив тем самым базовые принципы христианско-мусульманского диалога. В свою очередь, святой Василий Великий отмечал: «Ежели между учениями есть какое взаимное сродство, то познание их будет нам к стати. Если же нет сего сродства, то изучать разность учений, сличая их между собой, немало послужит к подтверждению лучшего учения»².

В 1990 году муфтий Средней Азии и Казахстана Мухаммад-Садык Юсуф после посещения Московской духовной семинарии и общения с ее преподавателями и студентами убедился в том, что христиане и мусульмане имеют искаженное представление друг о друге, и возложил вину за это на атеистическую пропагандистскую литературу. Действительно, представители религиозных общин легко отсеивали все неверное, касающееся собственной религии, но вольно или невольно усваивали искаженный образ других религиозных систем³.

Первоначально христианско-мусульманские отношения на территории современной России были в целом нормальными – до эпохи Золотой Орды контакты между русскими православными и мусульманами не носили интенсивного характера, а затем веротерпимая политика золотоордынских ханов получила положительную оценку Православной Церкви и вызвала, помимо всего прочего, рост уважения к исламу как их религии. При этом важно отметить, что ислам в Золотой Орде был адаптирован к мировоззрению тюрок и, будучи изначально представлен наиболее либеральным ханафитским мазхабом суннизма, претерпел также заметное влияние со стороны доисламского язычества (тенгрианства и шаманизма) и христианства (несторианства)⁴. Именно это уникальное сочетание факторов и сделало его самой веротерпимой на тот момент формой ислама.

Добрые отношения между исламом и православием на Руси продлились не очень долго — захват Константинополя турками и постоянные конфликты с мусульманскими государствами на границах России ухудшили в глазах православных восприятие ислама, который многими начал восприниматься как религия врагов и, следовательно, враждебная религия. С XV века на русском языке начинают издавать полемические антиисламские сочинения, среди которых важнейшее место заняли сочинения Максима Грека, самое деликатное из которых именовалось «Ответы христианом противу агарян, хулящих нашу православную веру христианскую»⁵.

После присоединения к России Казанского ханства и других мусульманских государств на восточных границах православно-мусульманские отношения достигли точки крайнего спада, так как ни объявляемые Москве «священные» войны, ни ответная демусульманизация покоренных народов не способствовали конструктивному межрелигиозному диалогу. С другой стороны, российские власти всегда различали «плохих» и «хороших» мусульман, относя к последним населявших Касимовское ханство мишар. История показывает, что на тех мусульман, которые доказали свою верноподданность русским государям, никакие антимусульманские ограничения не распространялись и они свободно исповедовали свою религию, охотно привлекаясь к важным дипломатическим поручениям. Такое избирательное отношение к мусульманам выгодно отличало Россию от стран Западной и Центральной Европы, правители которых враждебно относились ко всем мусульманам без исключения.

Были и другие примеры. Православная миссионерская деятельность среди татар осуществлялась со многими эксцессами, в связи с чем в книгах мусульманских авторов она часто именуется «насильственной христианизацией». Строго говоря, насильственным крещение татар все же не было — о популярной пословице «невольник — не богомольник» забывали только самые непримиримые миссионеры, действовавшие на свой страх и риск. В то же время Святейший Правительствующий Синод, отвечая в 1770 г. на запрос о случаях принуждения к принятию православия, отмечал, что крещение должно осуществляться по желанию, а не принуждению⁶. Академик В.В. Бартольд отмечал, что «не прибегая к прямому насилию над совестью своих подданных, правительство склоняло их к перемене веры путем льгот для новообращенных»⁷.

В 1859 году на средства архиепископа Казанского Георгия, основателя отделения восточных языков Казанской духовной академии, был издан «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и ли-

тературных начал сей книги» за авторством Александра Казем-Бека. За свой труд, получивший признание как исламоведов, так и мусульманского духовенства, он был награжден персидским орденом Льва и Солнца первой степени. В 1878 году казанский православный исламовед Г.С. Саблуков выпустил самый качественный перевод Корана на русский из существовавших на то время. Вплоть до выхода в 1963 г. перевода академика Крачковского он оставался главным источником сведений о мусульманской религии для русскоязычной аудитории⁸.

Взаимополезные контакты между православным и мусульманским духовенством в России возобновились только в постекатерининский период, когда обе религиозные традиции были окончательно встроены в госаппарат. По просьбе гражданского губернатора А.А. Македонского муфтий Габдулвахид Сулейманов вступил в Оренбургский попечительский комитет о тюрьмах, а в мае 1856 г. стал его директором. Примечательно, что пост вице-директора занял епископ Оренбургский Антоний, что, по мнению Д. Азаматова стало попыткой властей наладить межконфессиональное (точнее, межрелигиозное) сотрудничество. И попыткой, по всей видимости, первой⁹.

Из российских мусульманских богословов к теме межрелигиозного диалога косвенно обращался Санкт-петербургский имам-мударрис Атаулла Баязитов, который в своей книге «Отношение ислама к науке и к иноверцам» посвятил целую главу описанию веротерпимости ислама, приведя немало примеров доброго отношения Магомета и первых халифов к христианам, а также опубликовав «Указ о привилегиях, данных Магометом христианам»¹⁰. Благодаря этой книге отношение российских просвещенных кругов к исламу определенно улучшилось.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что основной для единения православных и мусульман в России стали патриотизм и уважение к власти. Именно в совместной борьбе против внешних и внутренних врагов страны и был заложен фундамент такого межрелигиозного диалога, который оформился в советский и достиг пика своего развития в постсоветский период.

После окончания Великой Отечественной войны власти СССР ослабили давление на крупнейшие религиозные общины страны, позволив им восстановить свои структуры и возобновить международную деятельность при условии ее соответствия внешней политике Советского Союза. Духовные лидеры православного христианства, ислама, буддизма, иудаизма и протестантизма должны были активно включиться в борьбу за мир и всеобщее разоружение. При этом считалось, что наибольший эффект возымеют их совместные выступления.

Началу межрелигиозного диалога предшествовала активизация межконфессионального сотрудничества христианских церк-

вей на миротворческой ниве. В июле 1948 года на праздновании 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви в Москве предстоятели поместных православных церквей и Армянской Апостольской Церкви по предложению Патриарха Московского и всея Руси Алексия I обратились ко всем христианам с призывом «сплотиться в твердом решении противостоять опасности новой войны с ее неслыханными ужасами для многострадального человечества». В апреле 1949 года делегации ведущих христианских церквей приняли участие во Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже, где они приветствовали создание движения сторонников мира и призвали всех верующих встать в его ряды. Удачный опыт этих миротворческих встреч позволил расширить их межконфессиональный формат до межрелигиозного¹¹.

Впервые руководители христианских церквей и нехристианских религий встретились в Москве в 27 – 29 ноября 1951 г. на Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира. Этот опыт был признан удачным, а назначенная на следующий год Первая конференция представителей всех Церквей и религиозных объединений в СССР положила начало регулярным межрелигиозным встречам.

Инициатива этой встречи принадлежала Верховному Патриарху-Католикосу всех армян Георгу VI, предложившему сделать конкретный шаг для объединения в борьбе за мир верующих различных религий. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий поддержал эту идею и пригласил в Троице-Сергиеву Лавру видных религиозных деятелей – представителей всех религий Советского Союза для обсуждения миротворческих задач. В работе Конференции, открывшейся 9 мая 1952 г. и продолжавшейся четыре дня, приняли участие 74 делегата – представители христианских церквей – православные, армяно-григориане, старообрядцы, протестанты, мусульмане, иудеи и буддисты¹².

Одной из тем, поднимавшихся на конференции, стал корейский конфликт, угрожавший перерасти в новую мировую войну. «Мы, представители религий, существующих на территории Советского Союза, – говорилось в Обращении Конференции 1952 г. к духовенству и верующим всех религий мира, – считаем своим долгом засвидетельствовать, что, по нашему убеждению, источник войны скрывается там, где разрабатываются наиболее эффективные средства массового уничтожения людей, где готовятся к войне, мечтая о господстве над всем миром»¹³.

Как отметил в своем заключительном слове Патриарх Московский и всея Руси Алексий I, «своей работой мы как бы посадили драгоценное дерево: нам необходимо теперь его поливать и всячески заботиться о том, чтобы оно дало благие плоды». Действительно, первая межрелигиозная конференция в истории

России дала мощный импульс развитию межрелигиозного диалога, который до сих пор ведется по заложенным на ней принципам — координации усилий в общественно значимых сферах и отказе от смешения вер и богословских компромиссов¹⁴.

Следующим межрелигиозным миротворческим саммитом в СССР стала Вторая конференция представителей всех религий СССР, прошедшая 1 — 4 июля 1969 г. в Троице-Сергиевой Лавре под девизом «За сотрудничество и мир между народами». В ней приняло участие уже 175 делегатов, среди которых, помимо многочисленных представителей советских духовных управлений, оказалось немало иностранных мусульман — представителей Сирии, Марокко, Иордании, Югославии, Гайаны и Сенегала. Среди них особо выделялся верховный муфтий Сирии Ахмад Кефтару, со временем ставший самым активным мусульманским участником межрелигиозного диалога в мировом масштабе¹⁵.

«Советское правительство неуклонно и последовательно проводит политику мира и дружбы между народами, неустанно стремится предотвратить угрозу новой мировой войны и высоко ценит любые усилия, в том числе и религиозных организаций, в достижении этой цели», — говорилось в приветствии участникам конференции председателя Совета министров СССР А. Косыгина¹⁶. В ходе конференции обсуждались ситуации во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, расизм и апартеид, а также проблемы безопасности в Европе.

16 октября 1970 года духовные лидеры СССР, включая мусульманскую делегацию во главе с муфтием Зияуддином Бабахановым, приняли участие в учредительной конференции Всемирной конференции религий за мир, которая прошла в японском городе Киото. Эта новая межрелигиозная организация со временем стала крупнейшей и самой авторитетной межрелигиозной структурой в мире, включив в 2000 г. в свой состав и новообразованный Межрелигиозный совет России.

По мере развития межрелигиозного диалога в СССР создавалась возможность максимально расширить его рамки, начав созыв представительных международных конференций, зарубежные участники которых смогли бы стать не просто гостями, как на конференциях представителей всех религий в СССР, а полноценными делегатами. Первым из таких саммитов стала Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами», открывшаяся в Москве 6 июня 1977 г.¹⁷

Этой конференции предшествовали несколько важных встреч — Всемирный конгресс миролюбивых сил в Троице-Сергиевой Лавре, прошедший 29 октября 1973 г. и собравший более 300 делегатов разных исповеданий для обсуждения

религиозного вклада в укрепление мира и справедливости, и совещание глав и представителей Церквей и религиозных объединений Советского Союза, проведенное по инициативе Патриарха Московского и всея Руси Пимена 29 сентября 1975 г. также в Троице-Сергиевой Лавре.

Участники последней встречи пришли к идее создать международную конференцию последователей различных религий для обсуждения современных задач своего миротворческого служения и сформулировали ее подготовительный комитет под руководством митрополита Тульского и Белевского Ювеналия (в будущем – митрополита Крутицкого и Коломенского и постоянного члена Священного Синода Русской Православной Церкви)¹⁸.

Среди докладов, зачитанных на Всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» особо выделялось программное выступление муфтия Зияуддина Бабаханова, сумевшего осветить все аспекты совместной миротворческой деятельности духовных лидеров и обозначить приоритетные направления ее развития. При этом муфтий выказал глубокие знания не только исламского, но и христианского, иудейского, буддийского, индуистского и даже синтоистского вероучений, приведя многочисленные цитаты из их Священных Писаний. По мнению муфтия, начавшаяся в преддверии конференции разрядка в международных отношениях встретила ожесточенные нападки и, несмотря на ряд положительных моментов – переговоров между НАТО и Варшавским договором об ограничении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе, окончания войны в Юго-Восточной Азии и объединения Вьетнама, победы просоветских сил в Лаосе и Кампучии, все еще остается неполной.

В заключительной части доклада, посвященной теме «Религиозные деятели за справедливые отношения между народами», Зияуддин Бабаханов выделил главных направления, по которым духовные лидеры могли бы совместно работать в этой сфере: права человека, расизм, многонациональные (транснациональные) корпорации, экология, народонаселение и миграция. И все эти темы действительно были рассмотрены и обсуждены весьма профессионально¹⁹.

Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» стала важным событием в истории межрелигиозного сотрудничества не только в российском, но и в мировом масштабе. Поднятые на ней темы активно обсуждались и позднее, а благодаря активности советских духовных лидеров на межрелигиозном поле многие международные альянсы религиозных лидеров (например, Всемирный совет церквей) встали на откровенно

антикапиталистические позиции. «Мы убедились в возможности для нас совместно успешно трудиться на благо мира, без угрозы синкретизма или прозелитизма, без посягательства на вероучительные основы иной религии»²⁰, — такими словами подвел итог первого межрелигиозного миротворческого саммита Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен.

Всемирная межрелигиозная конференция задала новые стандарты в проведении такого рода встреч, тем более, что, по словам главы Совета по делам религий СССР Владимира Куроедова, «советское правительство высоко оценило этот замечательный форум»²¹. В 1980 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен и председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий тепло поздравили мусульманских лидеров СССР с наступлением XV века по мусульманскому календарю, отметив большой прогресс в христианско-мусульманском диалоге²². 1 – 2 октября 1981 года в Москве прошла Международная межрелигиозная встреча, ставшая подготовительным совещанием нового межрелигиозного миротворческого саммита — Московской Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара — жизни от ядерной катастрофы».

Эта представительная конференция, созванная по инициативе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена и собравшая 10 – 14 мая 1982 г. 590 делегатов из 90 стран, стала апогеем совместной миротворческой деятельности духовных лидеров. Ее участники подчеркивали, что собрались не для обсуждения своих религиозных различий и не с целью создать «общую синкретическую новую религию», а для того, чтобы перейти от ложного понимания национальной безопасности и узких национальных интересов к конструктивному диалогу²³.

Почетным членом президиума конференции стал тяжело больной муфтий Зияуддин Бабаханов, чье приветственное слово зачитывал уже его сын Шамсуддин. Вскоре после этого ветеран межрелигиозного диалога скончался и его место как негласного лидера мусульман СССР и главного проводника межрелигиозного диалога с мусульманской стороны стал новоизбранный шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде, для которого Московская Всемирная конференция стала первым крупным форумом²⁴. Особая роль на конференции была отведена также верховному муфтию Сирии Ахмаду Кефтаро (Куфтаро), который стал модератором второго пленарного заседания. Благодаря ему вопрос ближневосточного урегулирования вновь стал одним из ключевых — делегаты саммита призвали освободить оккупированные Израилем территории, в первую очередь — «Святой Град Иерусалим, священный для трех религий»²⁵.

Московская Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара – жизни от ядерной катастрофы» стала последним межрелигиозным саммитом в СССР. Локальные «Встречи представителей Церквей и религиозных объединений Советского Союза» собирались еще дважды – 18 ноября 1986 г. и 7 декабря 1989 г., однако история СССР подходила к концу.

С февраля 1988 года при посредничестве Русской Православной Церкви в Монтре (Швейцария) начались переговоры между лидером ДУМЗак шейх-уль-исламом Аллахшукюром Паша-заде и предстоятелем Армянской Апостольской Церкви патриархом-католикосом всех армян Вазгеном I по вопросу о возобновлении армяно-азербайджанского этнического конфликта и о ситуации в Нагорном Карабахе. Оба духовных лидера призвали немедленно прекратить кровопролитие, а также подчеркнули недопустимость представления карабахской проблемы как межрелигиозного конфликта. Их решительная позиция не позволила допустить переход этого вооруженного противостояния в новую, более тяжелую стадию, а накопленный на этих встречах опыт лег в основу миротворческой религиозной дипломатии в постсоветский период²⁶.

Подводя итог, важно отметить, что взаимодействие мусульман и христиан, начавшееся в послевоенный период, благополучно пережило испытание развалом СССР и вспыхнувшими на постсоветском пространстве вооруженными конфликтами. До сих пор лидеры православной и мусульманской общин руководствуются в своих взаимоотношениях теми принципами, которые были определены их предшественниками почти шестьдесят лет назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Цит. по: Чаплин В.А., Сафонов Д.В., Максимов Ю.В. Православный взгляд на нехристианские религии // Церковный вестник. 2008. 26 декабря.

²Свт. Василий Великий Творения. – М., 1993. – С. 347.

³См.: Пустоутов И. Сегодняшнее состояние межрелигиозного диалога в России // Nicolaus. Rivista di Teologia ecumenico-patristica. 1995. № 1. – Р. 42.

⁴См.: Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. – Казань, 2007. – С. 65.

⁵См.: Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. – М., 1952. – С. 22.

⁶Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской Империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007. – С. 71.

⁷См.: Бартольд В.В. Турция, ислам и христианство // Бартольд В.В. Соч. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М., 1966. – С. 429.

⁸См. там же. – С. 209.

⁹См.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX века. – Уфа, 1999. – С. 56.

¹⁰ См.: *Баязитов А.* Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – С. 80 – 90.

¹¹ См.: *Бондарев И.* Первый опыт межрелигиозного миротворческого Сотрудничества (К 30-летию Конференции 1952 года в Троице-Сергиевой Лавре) // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 12.

¹² См. там же.

¹³ *Бабаханов Ш.* Муфтий Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан. – Ташкент, 1999. – С. 124 – 128.

¹⁴ См.: *Бондарев И.* Первый опыт межрелигиозного миротворческого Сотрудничества.

¹⁵ См.: За сотрудничество и мир между народами. Конференция представителей всех религий в СССР. – М., 1972. – С. 9 – 19.

¹⁶ См. там же. – С. 66.

¹⁷ *Бабаханов Ш.* Муфтий Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан. – С. 137.

¹⁸ См.: В защиту мира. Подборка материалов // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 6. – С. 33 – 49.

¹⁹ См.: Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами. – М., 1978. – С. 50 – 71.

²⁰ Там же. – С. 177.

²¹ Там же. – С. 162.

²² См.: К наступлению XV века хиджры // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 1.

²³ *Бабаханов Ш.* Муфтий Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан. – С. 145.

²⁴ См.: Шейх-уль-ислам двух столетий. – Баку, 2008. – С. 299.

²⁵ См.: Защитить священный дар мира // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 11.

²⁶ *Шехри Э., Нагиев Р., Агаев А., Якубов Ш.* Он икинчи шејунлислам. – Баку, 2000 (на азербайджанском языке). – С. 118 – 123.

Аннотация

В статье освещается история исламо-христианского диалога в досоветский и советский периоды. На основании впервые вводимых в научный оборот документов автор статьи восстанавливает хронологию диалога и анализирует его роль во внешней политике крупнейших религиозных традиций России. Особое место в статье уделяется первым межрелигиозным конференциям, история которых ведет свой отсчет с Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве (27 – 29 ноября 1951 г.).

Ключевые слова:

ислам, христианство, межрелигиозный диалог, муфтий, митрополит.

Summary

The article covers the history of the Islamic-Christian dialogue in the pre-Soviet and Soviet periods. Introducing new documents the author restores the chronology of the dialogue and analyses its role in the foreign policy of the major religious traditions in Russia. A special place in the article is given to the first intercreedal conferences, whose history dates from the Third All-Soviet Union conference of the peace in Moscow (27 – 29 November, 1951).

Keywords:

islam, christianity, dialogue, mufti, metropolitan.